

Моск. новости. - 1997.
- 24-Завт. - с. 19

Алла, и больше ничего

КНИГА

Вышло в свет первое
жизнеописание А.Б.Пугачевой
(Алексей Беляков. «Алла, Аллочка,
Алла Борисовна».
Роман-биография, изд-ва
«Захаров»-«Вагриус»).

Алла Пугачева

С тех пор, как она спела «Арлекино», поток литературы о Пугачевой не иссякает. Слухи, сплетни, музыкаведческие и социологические исследования, и вот теперь уже жанр «жизни».

Сколь бы наивно и неприязнительно оно ни было изложено, «жизни» Пугачевой — это наша жизнь по меньшей мере трех десятилетий. Праздники, будни, «голубые огоньки» и «рабочие полдни» — все озвучено ее голосом. Алла — самый устойчивый, самый народный (в смысле популярный) миф, доставшийся нам от советской эпохи. Мы все сочиняли этот миф о том, что можно быть свободными в несвободной стране. Пугачевский бунт на советской эстраде в известном смысле значил в нашей жизни не меньше, чем диссидентское движение. Она не только разрушала стереотипы поведения, одним своим существованием эта женщина в балахоне бросала вызов устоям общества, когда пела, что «короли» на самом деле не могут ничего, они обречены.

В народном сознании Пугачева — женская ипостась Высоцкого. Но с мужика был другой спрос. Женщине больше прощалось, но ей же в этой стране полагалось быть выносливее. Алла и здесь не подвела.

Книга не дает ответа, как ей это удалось. Есть факты (использованы даже некие «тринадцатые толстые тетради»), исписанные той, которая якобы была тенью Пугачевой: работала уборщицей, вахтершей, но обязательно возле Аллы), есть подробная хронология, милые и смешные подробности, благодаря чему героиня предстает волевой, взбалмошной, талантливой, очень эгоцентричной и не очень счастливой. Да вряд ли и сама А.Б. когда-нибудь всерьез задумывалась о своей исторической роли. Пахала всю жизнь с шестнадцати лет — вот и все. Были разные увлечения, мужья, приходили и уходили любовники (об этом в книге подробно, со знанием дела), но она работала и работала (опять же типичная ситуация женщины эпохи застоя). По стадионам и концертным залам, с самолета на поезд. «Я вам спою еще на бис...»

Что в ней восхищает: способность к выживанию, безошибочное чувство времени и себя в нем. «Могла бы стать нашей Барброй Стрейзанд», — вздыхал Микаэл Таривердиев. А она хотела быть заодно и Майклом Джексонном, и Лайзой Миннели, и Эллой Фитцджералд. Всеядность Аллы — оборотная сторона ее «плохого вкуса». Но все перекрывало само неповторимое явление Пугачевой. Да и шоу-бизнес — не то место, где стоит искать хороший вкус.

С чем ей действительно всегда катастрофически не везло, так это с фотографиями. Иллюстрации в новой книге — наглядное тому подтверждение. Кроме портрета Валерия Плотникова, сделанного очень давно, кажется, никто больше нашу звезду толком и не сумел снять. Напрасно она пела: «Ты сними, сними меня, фотограф». Хотя известно, что женщины делятся на два типа: фотогеничные и красивые.

Ее нынешняя жизнь в книге намечена пунктиром и мало чем отличается от тех сводок светской хроники, которые поставляет для читателей «МК» Артур Гаспарян. Из них мало что поймешь. Поначалу казалось, что это некий тайм-аут (нельзя без отдыха двадцать лет скакать козой), потом стало ясно, что дело не только в законном желании отдохнуть. Нужно найти себя в изменившихся обстоятельствах: откуда издание журнала, продюсирование собственного мужа, моделирование обуви. И снова мы отражаемся в судьбе этой удивительной женщины, как в зеркале: не тщетны ли попытки убежать от себя, от того, что запас прочности, выданный нашей не страшной, не ГУЛАГОВСКОЙ, но насквозь лицемерной эпохой, оказался столь недолговечным. Настали новые времена, и из многих как будто выпустили воздух — помните, Никитины пели о ежике резиновом с дырочкой в боку. Еще и поэтому читатель тянется к любой книге про Аллу: запоем ли опять или будем только вспоминать?

Нина АГИШЕВА